

РАЗРУШЕНИЕ СВЯТЫНЬ В ФОЛЬКЛОРНОМ ОСМЫСЛЕНИИ

УДК 398
ББК 82.3

Разрушение православных церквей и культовых сооружений в повествовательной традиции Архангельской области

Наталья Васильевна Дранникова

(Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова:
Российская Федерация, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17)

Аннотация. Статья посвящена анализу устных рассказов о разрушении православных культовых сооружений и уничтожению церковного имущества в повествовательной традиции Архангельской области. В исследовании используется традиционный подход — анализ сюжета и мотивов рассказов. Источниковую базу исследования составили материалы фольклорного архива САФУ. Они относятся к различным районам Архангельской области. Цель статьи заключается в выявлении основных мотивов архангельских рассказов о поругании святынь и их региональных особенностей. Материал неоднороден в жанровом отношении: это как «краткие свидетельства», так и структурно организованные «свидетельские показания». Религиозные рассказы являются частью местной исторической памяти, знание которой свидетельствует о развитой или неразвитой локальной идентичности сообщества. В современной фольклорно-речевой практике существует различное отношение к событиям, связанным с закрытием храмов и гонением на священнослужителей. В советский период была нарушена межпоколенная культурная трансмиссия. Знания и опыт старшего поколения были обесценены, поэтому различные поколения исполнителей демонстрируют различные ценностные ориентиры. В ранний постсоветский период, когда началось церковное возрождение и появилось много неопитов, рассказы о наказании за святотатство и поругание святынь вновь актуализировались. Однако мы приходим к выводу, что в современной фольклорной традиции происходит уничтожение мотива наказания как части фабулы, хотя долгое время рассказы с мотивом Божьей кары за святотатство считались наиболее устойчивой частью этой традиции.

Ключевые слова: устный рассказ, культовые сооружения, святотатство, мотивы, культурная память, наказание.

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 18–412–290002 «Нарративы о разрушении православных церквей и культовых сооружений в современной фольклорной традиции Архангельской области».

Дата поступления статьи: 3 июля 2019 г.

Дата публикации: 25 июня 2020 г.

Для цитирования: Дранникова Н. В. Разрушение православных церквей и культовых сооружений в повествовательной традиции Архангельской области // Традиционная культура. 2020. Т. 2. № 2. С. 91–102.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.2.008>

Рассказы о происходившем в советское время разрушении культовых объектов и поругании/уничтожении церковных святынь давно стали предметом анализа фольклористов, отметивших на разном региональном материале устойчивость композиционной структуры и постоянство образующих их мотивов и тем, см., например: [Добровольская 1997; 1999; Нижегородские христианские легенды 1998; Штырков 2001; 2006; Фадеева 2003; 2004; Шеваренкова 2004; 2018; Мороз 2000; 2014; 2019; Петров 2009; Власова 2018; Панченко 2019].

В основе исследования лежит комплексный подход, который опирается на традиционный метод — анализ сюжета и мотивов рассказов. Для выявления социального контекста нами был учтен и использовался дискурсивный подход к анализу текста. Фольклорный дискурс понимается в нашей статье как особый тип коллективной речевой деятельности, обусловленный социальной ситуацией и историческими условиями. Цель статьи — выявить основные мотивы архангельских рассказов о поругании святынь и их региональные особенности. Мотив мы понимаем как простейшую единицу повествования, т. е. элемент структуры текста.

Основным мотивом данных рассказов является наказание за совершенное святотатство (болезнь/смерть святотатца или членов его семьи, не сложившаяся судьба, бедность и т. п.). В рассказах, зафиксированных нами в 1990–2010-е гг. в различных районах Архангельской области, повествуется о событиях, связанных с закрытием храмов в 1920–1930-е гг.: сбрасывании колоколов, снятии крестов с куполов, уничтожении и осквернении икон и церковного имущества, поругании прихрамового некрополя, преследовании священников и верующих людей, за которыми следует наказание святотатцев, и др. Существование устойчивых мотивов, вариативность, клишированность этих тестов позволяют рассматривать их в русле методологии современного фольклора [Неклюдов 1995, 77–80]. Предпринятое нами исследование позволяет сделать вывод о том, какое место занимают рассказы о святотатстве в современной фольклорно-речевой практике жителей Архангельской области.

Для проведения исследования нами был разработан специальный вопросник. Для сбора материала использовались

традиционные методы собирательской работы: беседа, семейно-биографическое интервью, опрос, а также метод включенного наблюдения. С этой же целью проводились глубинные интервью с жителями различных населенных пунктов Архангельской области. Они были главными источниками собираемых сведений. За время исследования было опрошено 60 человек в возрасте от 40 до 90 лет, проживающих в Архангельске, Северодвинске, Новодвинске, Коношском, Лешуконском, Мезенском, Онежском, Пинежском, Плесецком, Приморском, Устьянском и Холмогорском районах Архангельской области. Собранные материалы находятся в архиве Центра изучения традиционной культуры Северного (Арктического) федерального университета (далее — ФА САФУ), фонд 38.

Исследуемый нами материал является неоднородным в жанровом отношении. Он представляет собой как «краткие свидетельства», так и структурно организованные «свидетельские показания» [Липатова 2008, 235]. В статье используется термин «устный рассказ». К. В. Чистов дал его определение в рамках жанрового подхода, являющегося преобладающим в изучении фольклора в советский период. Он отнес к устным рассказам тексты, в которых какая-либо внеэстетическая функция (или функции) играет первостепенную роль. Они не отличаются структурной самостоятельностью и законченностью. Термин *устный рассказ* К. В. Чистов предлагал использовать для всех жанров несказочной прозы [Чистов 2005, 46–50]. Мы опираемся на классификацию речевых жанров, предложенную М. М. Бахтиным. Устный рассказ он относит к первичным речевым жанрам. По мнению ученого, он возникает во время диалога [Бахтин 1979, 237–290].

Если использование термина *устный рассказ*, как правило, не вызывает споров среди филологов, то в отношении термина *легенда* существуют различные мнения и определения. Считается, что жанрообразующим фактором легенды является эффект чуда. Легенды — «группы фольклорных произведений, объединенных наличием в них элементов чудесного, фантастического, но воспринимаемых как достоверное, происходившее на границе исторического и мифологического времени или в историческое время» [Бараг

1993, 128]. Легенды обладают перформативной функцией и побуждают к действию. Л. В. Фадеева называет эти тексты *легендами о Божьей каре и рассказами о поругании святынь* [Фадеева 2017, 97]. Утратив актуальность, легенда, по наблюдениям А. А. Липатовой, превращается в *предание* [Липатова 2008, 5]. Ю. М. Шеваренкова называет данные тексты *религиозными нарративами* [Шеваренкова 2014, 84–115]. В статье мы будем использовать термины *устный рассказ, рассказ о святотатстве, религиозный рассказ, религиозный нарратив, легенда*.

Частично рассказы о святотатстве рассматривались нами в статьях «Соловки в устной религиозной прозе жителей города Архангельска» [Дранникова 2015] и «Культовые объекты Архангельска в современных городских легендах» [Дранникова 2019].

Легенды о поругании святынь изучались исследователями на различном региональном материале. В. Е. Добровольская провела систематизацию подобных рассказов и выявила их особенности [Добровольская 1997; 1999]. С. А. Штырков пишет, что устные рассказы о наказании святотатцев нельзя сводить только к фольклорной традиции о божественном наказании за непочитание святынь. Мотив ослепления как кары С. А. Штырков относит к агиографической традиции и приводит примеры рассказов об ослеплении участников древнего вражеского нашествия, прежде всего *литвы* [Штырков 2001, 197–206]. Большой массив текстов о разрушении святынь опубликован авторами-составителями книги «Святые места в культурном ландшафте Пинежья», они систематизировали и распределили по приходам, к которым относились населенные пункты, записанные в них тексты [Иванова, Калуцков, Фадеева 2009]. В. В. Власова исследует элементы сельского культурного ландшафта как значимые символы православной традиции (храмы, часовни, кладбища), анализирует рассказы о святотатстве, связанные с закрытием храмов [Власова 2015; 2018]. Л. А. Фадеева, рассматривая пинежские нарративы о разорении храмов и других значимых для крестьянской общины святых мест, пишет об исчезновении их в последнее время вместе со смертью поколения очевидцев событий [Фадеева 2017, 89–103]. А. Б. Мороз анализирует фольклорные нарративы о святых

и механизмы их формирования, проследит связь устных легенд и книжных житий [Мороз 2009; 2019].

***

Устные рассказы о разорении святынь и культовых сооружений связаны с конкретными историческими событиями и локусами. После событий октября 1917 г. произошла кардинальная переоценка места религии в жизни общества. В 1918 г. вышел декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», принятый Советом народных комиссаров [Декрет 1942]. В 1929 г. появляется циркулярное письмо ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 723. Л. 9–11]. В результате к началу 1930-х гг. в России оформилась и получила одобрение концепция «воинствующего атеизма», основанная на идее о контрреволюционной сущности религии и антисоветской деятельности верующих.

Религиозные рассказы о святотатстве имеют универсальную нарративную схему — кара в них эквивалентна преступлению. Любое несчастье, случившееся со святотатцем, рассматривается как Божья кара. В этих рассказах используется принцип синекдохи — явление показывается через один из его атрибутов. Он выполняет сюжетообразующую роль. Приведем некоторые примеры: человек, снимающий с церкви колокола, падает лицом в грязь (Жердь, Мез.); вскоре после разрушения/закрытия храма святотатец тонет (Княжестрово, Прим., Койда, Мез.); дети святотатцев впоследствии совершают действия, аналогичные действиям, совершенным их родителями в отношении культового сооружения, в результате чего получают уголовное наказание (Сура, Пин.); у людей, разрушавших церкви, гибнут или болеют дети (Сура, Пин., Жердь, Мез.); человека, сорвавшего железо с крыши церкви и сплывшего с куполов кресты, убивает молнией (Челмохта, Холм.) и др.

В процессе исследования нами были выделены мотивы религиозных рассказов. Рассмотрим некоторые из них. В репертуаре поколения, бывшего участником событий разрушения церковей и осквернения церковного помещения, типичным является мотив *наказания святотатцев за разрушение/разорение культового объекта (церкви/часовни и др.)*.

Приведем в качестве примеров несколько рассказов, записанных в различных районах Архангельской области: *«Героями себя чувствовали, икон, знаешь, сколько было, выкидывали, на дрова рубили — такие были подлецы. Не страшно было разрубить икону пополам! Следили, караулили, чего там говорят про старое-то время. Строгость была така! Столько икон ломали, столько было ценностей! Всё разломали, купола снимали, колокола такие большущие были, звоны¹ такие большущие были, так мы на взвозах сидели и смотрели, как эти колокола спускали сверху.*

<...> Как не наказывало?! Никто своей смертью не умер. Господь не простой мужик — распорядится: не сегодня — так завтра разыщет.

Никто (из людей, разрушавших церковь. — Н. Д.) своей смертью не помер. Кто утонул, кто еще что... Пошто разорили церкви, а теперь надо построить? Надо всё в деревне достать. Где эти иконы взять? Ломали-то те же, сами ломали» (Зап. от Павлы Ефимовны Малыгиной, 1927 г.р., с. Койда, Мезенский р-н, Архангельская обл. Соб. Н.В. Дранникова, Н.М. Асеева, Н.Н. Янковская. 2010 г.) [ФА САФУ. П. 605].

В памяти респондента сохранились подробности разорения церкви, что свидетельствует о ее эмоционально-трагическом восприятии этого события. Она негативно оценивает произошедшее. Рассказывая о разрушении церкви, исполнительница использует инвективу (*такие подлецы были*). Рассказ П. Е. Малыгиной включает в себя несколько мотивов, в том числе мотив доноса, который реализуется с помощью градации: *«Следили, караулили, чего там говорят про старое-то время...»* Текст имеет жанровые черты легенды о Божьей каре, которую завершается афоризмом: *«Господь не простой мужик — распорядится: не сегодня — так завтра разыщет»*. Исполнительница использует повторы (*«колокола»* такие большущие», *«никто своей смертью не помер»*, *«ломали-то те же, сами ломали»*), которые усиливают эмоционально-трагическое восприятие ею разорения церкви, ее возмущение святотатством. Уважение к вере и религиозность проявляются в использовании ею аугментативов: *колокола большущие, звоны такие большущие*. Беседа с нами является

для нее продолжением ее внутреннего монолога. Она использует риторические вопросы и восклицания: *«Пошто разорили церкви, а теперь надо построить? Где эти иконы взять?»* Рассказы о разрушении церквей в фольклорно-речевой практике старшего поколения образуют метанарратив. Повествование П. Е. Малыгиной продолжает рассказ ее земляка, который относится к области «свидетельских показаний» и был записан в той же деревне, что и предыдущий: *«Вот раньше старая церковь — были с полу до потолка иконы, полна церковь. Когда стали ломать-то, значит, один иконы рвет, другой топчет. Плачут старухи (неразб. — Соб.). Сбылось. Утонул (речь идет о председателе сельсовета, который закрыл церковь и принимал активное участие в уничтожении церковного имущества. — Н. Д.)»* (Зап. от Ивана Петровича Малыгина, 1929 г.р., с. Койда, Мезенский р-н, Архангельская обл. Соб. Н.В. Дранникова, Н.М. Асеева, Н.Н. Янковская. 2010 г.) [ФА САФУ. П. 605].

Вспоминая события, связанные с разорением церкви, рассказчик с осуждением относится к святотатцам и с уважением и гордостью говорит о церкви и ее богатстве. Текст не развернут в сюжетном отношении и лишен эмоциональности, вероятно, это можно объяснить тем, что исполнителем является мужчина, но, как и в предыдущем примере, мотив наказания за святотатство является в рассказе сюжетообразующим. Исполнитель верит в неизбежность наказания святотатца. Он, как и предыдущая рассказчица, продолжает в разговоре с нами многолетний внутренний монолог: *«Сбылось»*. Рассказ построен на антитезе, которая усиливает трагическое восприятие произошедших событий исполнителем. По мнению И. П. Малыгина, отмщение за святотатство неминуемо.

Большое количество текстов о наказании святотатцев записано Л. В. Фадеевой в Пинежском районе Архангельской области. В них святотатцами названы коммунисты, или *партийцы* [Фадеева 2003]. Пинежские религиозные нарративы строятся на противопоставлении их поведения общепринятым морально-этическим нормам поведения остальных жителей деревни: *«Церковь не помню, а как вот с колокольни колокола сбрасывали, дак мы*

94 ¹ (В)звоз — бревенчатый настил в дом, по которому могли заезжать на лошади.

думали... <...> Вот у Анны Николаевны отец-то... Новоявленные-то партийцы это были. Вот скидывал он. Его потом трясло» (Зап. от А. Е. Амосовой, 1924 г.р., д. Красное) [Там же, 125].

Нередко наказанию подвергается не сам участник или свидетель разрушения, а его близкие. Поступок святотатца тяжким бременем ложится на всю его семью, особенно на детей.

В процессе анализа религиозных рассказов мы обратили внимание, что, наряду с мотивом наказания за святотатство, в них встречается факультативный мотив последующего искупления греха: «... часовня в честь Кузьмы и Демьяна <...>. А история такая: К. А. Ф. председателем колхоза был, и он решил эту часовню перевезти под сушку для хомутов. Он тут поработал, его перевели в Озерки поработать председателем... Его оттуда в тюрьму взяли — десять лет сидел. С тюрьмы пришел домой в Челму, он жил на Ховаевой горе <...>. Сразу перенес часовню обратно» [Иванова 2008, 151]. По мнению исполнителя, человек, осквернявший часовню, получает заслуженное наказание: он был репрессирован в 1930-е гг. Свой грех он искупает тем, что возвращает часовню на прежнее место.

Божья кара за грех, совершенный в отношении церкви, считают исполнители, неизбежна: например, заведующие клубом, который был открыт в здании бывшей церкви, умирают в раннем возрасте, председатель колхоза, который жег иконы, утонул во время свадьбы, загорается гроб во время похорон бывшего сельского активиста, который срубил кресты с куполов, и др.

Поругание/уничтожение икон

В проанализированных нами нарративах иконы жгут (Мез., Пин.), разрубают (Мез., Пин.), топят в водоемах, бросают в грязь, используют в качестве мостков и в колхозном хозяйстве, например, вместо крышек для бочек на ферме и столешниц, для хозяйственных нужд и предметов домашнего обихода (оконных ставней для окон дома (Пурнема, Онеж.), вместо киноэкрана в клубе (Погорелец, Мез.), иконы становятся детскими игрушками, на них катаются с гор.

Сбрасывание колоколов

В рассказах о снятии/сбрасывании колоколов с храмов встречаются упоминания о том, что сброшенный на землю колокол

уходит в землю (Вершинино, Плес.). Исторические события в рассказе гиперболизируются и приобретают элементы чуда. В данном случае мы наблюдаем сходство мотива «колокол ушел в землю» с легендарным мотивом «церковь под землю уходит». Легенды с этим мотивом бытовали в различных регионах России (Калужской, Смоленской обл. и др.) [Кошелев 1993, 64–93; Перепелицын 2010, 23] Снятие колоколов в повествованиях происходит на субботах, в которых принимают участие местные комсомольцы и коммунисты: «А потом на одном субботнике все колокола были сброшены комсомольцами. Всё это снято. У нас в деревне есть осколок от одного из колоколов» (Зап. от Анны Александровны Чикиной, 1956 г.р., с. Жердь, Мезенский р-н, Архангельская обл. Соб. Н. В. Дранникова, Т. Н. Морозова, А. С. Мысова. 2018 г.) [ФА САФУ. П. 641].

Л. В. Фадеева отмечает, что в рассказах о сбрасывании колоколов «акцентируется мощь колокола. Сам момент его снятия (участия в этом огромного числа людей или техники) необходим повествователю как возможность показать слабость человека, посягающего на святыню» [Фадеева 2003, 124].

Осквернение прихрамового некрополя, поругание кладбищ

Приведем пример, касающийся осквернения местного кладбищенского некрополя. Вспоминая игры детей с черепами, найденными ими около церкви, где после ее закрытия был открыт клуб, исполнительница смеется: «И вот, когда бурили скважину, очень много черепов находилось, костей, то есть тут была церковь и было кладбище, да? Ребята отчаянные были, они эти черепки в школу учительнице на стол... (смеется. — Соб.). Проверяли (громко смеется. — Соб.)» (Зап. от Анны Александровны Чикиной, 1956 г.р., с. Жердь, Мезенский р-н, Архангельская обл. Соб. Н. В. Дранникова, Т. Н. Морозова, А. С. Мысова. 2018 г.) [ФА САФУ. П. 641].

Рассказчица является уроженкой этой деревни, сельским библиотекарем. В ее рассказе отсутствует осуждение, исполнительнице нравится вспоминать события, происходившие в ее детстве. Церковь не является для нее священным объектом, каким она была для старшего поколения. В течение всей ее жизни здание церкви

было клубом, и для нее актуальна эта память. Она положительно относится к поступку одноклассников и воспринимает его как один из забавных случаев.

Превращение церкви в клуб относится в рассказах очевидцев этих событий к сфере «антиповедения», а само здание наделяется чертами «антимира» — почитание могил предков заменяется их осквернением и поруганием.

Чудеса, случившиеся во время разрушения/закрытия церквей

В рассказах о святотатстве, бытующих в разных районах Архангельской области, мы встретили мотив стонов, раздающихся из церкви после ее закрытия (Вознесение, Прим.); когда после закрытия храма умер староста церковно-приходского совета, то из церкви начали раздаваться стоны (Погорелец, Мез.).

«Про Вознесение я знаю, такая история, тоже описывается в книге священника Николая Ткачука², что в Вознесении вместо церкви Дом культуры сделали, и вот, когда его открывали, в первый день сцена была установлена у храма на кладбище. Там большая вывеска “Искусство принадлежит народу”, и в слове “принадлежит” ПРИН и АД, такая была часть, которая не заполнена ничем, как будто прин, АД выделялось. Даже есть фотография. И рассказывают участники тех событий, что, когда там эти хоры запели, есть свидетели, что стон раздался. Не надо на кладбище вот таких культурных мероприятий» (Зап. от Ольги Владимировны Вороновой, 1981 г.р., г. Архангельск. Соб. Н.В. Дранникова. 2018 г.). Исполнительница является верующим человеком и с осуждением относится к превращению сельского храма в Дом культуры. Она хорошо осознает, что осквернение кладбищ противоречит традиционным этическим нормам, поэтому акцентирует внимание на сознательной инвертированности смысла надписи: народу, осквернившему церковь, уготован ад.

Тексты о чудесах, происходивших во время закрытия церквей, также были записаны Л.В. Фадеевой в Пинежском р-не Архангельской области: *«У нас мама рассказывала, как сбрасывали колокола. Так и простонала земля. Вот колокол-то голос какой!»* (Зап. от М.А. Козьминой, 1936 г.р.

(урож. д. М. Кротово), д. Б. Кротово) [Фадеева 2003, 124].

В этих текстах чудо выполняет сюжетообразующую роль. Так, церковь, которую должны были разрушить, уносит во время наводнения, благодаря чему она была спасена: *«Стояла еще деревянная церковь, которую хотели разрушить, но ее унесло наводнением. Говорят, что она была перенесена к берегу Северной Двины — Винке»* (Зап. от Веры Владимировны Окуловой, 1959 г.р., д. Пуново, Приморский р-н, Архангельская обл. Соб. Н.Н. Толкачева. 2005 г.) [ФА САФУ. П. 514].

Переоборудование церкви в клуб / зернохранилище / школу / курятник / скотный двор / сушилку для хомутов

Исполнители в беседе с нами противопоставляли содержание церквей местными приходами периоду, когда они стали школами и клубами. В советский период их перестали ремонтировать, поэтому они, исчерпав свой потенциал, пришли в негодность.

Соккрытие от поругания церковного имущества и семейных реликвий, имеющих религиозную символику или содержание

В советское время родители прячут письма, содержащие их переписку с сыном — участником Русско-японской войны, потому что в них они желали ему «Божьего благословения» и часто упоминали имя Бога (Пурнема, Онеж). Во многих рассказах местные жители прячут по домам спасенное ими во время закрытия храмов церковное имущество, например, в Пинежском районе мать с дочерью вынесли икону и хранили ее дома, завязав холщовыми тряпками (Зап. от Коздой Максимовны Матвеевой, с. Койда, Мезенский р-н, Архангельская обл. Соб. Н.В. Дранникова, Н.М. Асеева, Н.Н. Янковская. 2010 г.) [ФА САФУ. П. 605].

Наказание за нарушение запрета строить дом на месте церкви

В народной культуре существовал запрет строить дом на месте захоронения, нарушение этого запрета влекло за собой смерть его обитателей [Байбурун 1983].

«Хочешь — не хочешь, типа как бы аномалия, вот где вот эта церковь была в Кегострове, тут же очень много было захоронено церковнослужителей. Очень много

² Исполнитель ссылается на книгу [Ткачук 2015].

захоронений. Мы когда еще маленькие были, плиты эти видели. И там, значит, дом, церковно-приходская школа, потом учителя там жили. И был дом, где жили попы. Богатый был дом, говорят, что от него даже ход был сделан к церкви. И вот, тут какой-то товарищ, ты видела: там развалены плиты. Он строить начал там себе дом. Начал строить этот дом, и всё, он так и стоит, плиты сложились там. Он умер, а мать его тоже то ли в психушку попала, или что. Бабуки-то старые, когда он начал строить, говорили ему, что здесь строить нельзя: место тут святое. И всё, оно так и стоит развалено. Это было лет 15 назад» (Зап. от Нины Петровны Личутиной, 1939 г.р., г. Архангельск. Соб. А. А. Личутина. 2018 г.) [ФА САФУ. П. 642].

Легенда имеет дидактическую функцию: человек, нарушивший запрет, умирает. В тексте используются «формулы достоверности». Исполнительница указывает на время, когда произошло несчастье с человеком, начавшим строить дом на месте церкви: «лет 15 назад»; ссылается на старожилы: «Бабуки-то старые, когда он начал строить, говорили ему...» и воспоминания своего детства: «Мы когда еще маленькие были, использует топонимы «в Кегострове» и повторы «начал там себе дом. Начал строить этот дом...» и др.

Наказание за соблюдение религиозных праздников

В рассказах старожилы сохранились воспоминания о репрессиях людей, которые отмечали Пасху: с этой целью местные активисты и сотрудники НКВД проверяли, не топят ли хозяева по ночам печи (Арх., Пурнема, Онеж.).

***

Рассказы о святотатстве ориентированы на крупные исторические или локальные события: *когда свергли царя, после войны было, когда наша бабушка умерла* и др., что подтверждает достоверность произошедшего. Сюжетика нарративов строится в основном на предикатах «разрушения», «перенесения», «ограбления» храмов. В качестве субъекта действия выступает один житель или группа односельчан. Часто субъект обезличен, например: *героями*

себя чувствовали, ломали, бросали, жгли и др. В рассказах используются «формулы достоверности» — в них содержатся ссылки на предков, топонимы и время, когда происходило событие.

В современной фольклорно-речевой практике существует различное отношение к событиям, связанным с закрытием храмов и гонением на священнослужителей. Часть рассказчиков считает, что за разрушением храмов следовало наказание святотатцев, и осуждает их. Эмоциональный контекст этих рассказов включает в себя горечь, возмущение, чувство бессилия из-за невозможности противостоять событиям. Эти рассказчики были свидетелями событий или они транслируют информацию, услышанную ими от родственников и их оценку этих событий: «Бабушка рассказывала, как церковь тогда рушили. Она рассказывала, плач стоял по всей деревне, когда вот эти купола, когда вот эти колокола снимали. Рассказывала, говорит, люди ходили, плевались, страшно даже, плакали, плакали все» (Зап. от Людмилы Владимировны Кузнецовой, 1951 г.р., с. Вознесение, Приморский р-н, Архангельская обл. Соб. Н. В. Дранникова. 2017 г.) [ФА САФУ. П. 636].

Религиозные рассказы являются частью местной исторической памяти, знание которой, в свою очередь, свидетельствует о развитой или неразвитой локальной идентичности сообществ. В одной из деревень Онежского района во время беседы с нами сломанную церковь жители сравнивали с «белой чайкой»³: «Потом вот стали колхозы-то тут, так сразу и сломали. В 30-е годы всё это было. Андрей Совершаев, в Онеге, он был председателем колхоза. Женки его все ругали, что церковь-то разрушил. Церковь как белая чайка стояла» (Зап. от Галины Александровны Свиной, 1940 г.р., д. Лямца, Онежский р-н, Архангельская обл. Соб. Н. В. Дранникова, В. А. Максимкин. 2017 г.) [ФА САФУ. П. 634]. Такое сравнение содержит в себе одновременно гордость за архитектурное сооружение и боль за его судьбу (Пурнема, Онеж.).

В советский период была нарушена межпоколенная культурная трансмиссия. Знания и опыт старшего поколения были обесценены, поэтому различные

³ Церковь Илии Пророка с приделом во имя преподобных Зосимы и Савватия Соловецких в д. Лямца, освященная в 1852 г. Была разобрана местными коммунистами в середине 1930-х гг.

поколения исполнителей демонстрируют в повествованиях различные ценностные ориентиры. Нам удалось записать свидетельства о том, что некоторые из старших родственников, вступив в ряды КПСС или став комсомольцами, сохранили веру в Бога, но не передали ее своим детям и внукам (Пурнема, Онеж.).

Старшее поколение исполнителей, с которыми мы работали, сохраняло веру в то, что наказание за непочитание святыни неминуемо найдет человека: *«Господь говорит: “Я ведь не Афонька — распоряжусь тихонько. Тихонько вот распоряжуся, не вдруг, не сразу”. Вот так вот. Если правда Господь есть дак, а мы не знаем, есть ли он, нету ли»* (Зап. от Александры Ефимовны Паюсовой, 1925 г.р., д. Кимжа, Мезенский р-н, Архангельская обл. Соб. С. Б. Адоньева, И. С. Веселова, Ю. Ю. Мариничева. 2007 г.)⁴.

В последнее время исполнители, рассказывая о разрушении церкви и святотатстве, все чаще говорят об этом отстраненно; их высказывания, в отличие от рассказов, записанных от предыдущих поколений, не содержат в себе оценки произошедшего. Свою безоценочность они объясняют следующим образом: *«Мы — продукты советской эпохи»* (Зап. от Веры Петровны Ипатовой, 1957 г.р., с. Пурнема, Онежский р-н, Архангельская обл. Соб. Н. В. Дранникова, А. А. Личутина, В. А. Максимкин. 2017 г.) [ФА САФУ. П. 634]. Еще один вариант объяснения своего равнодушия к разрушению и осквернению деревенских святынь современные исполнители видят в своей «образованности» или в «высоком культурном уровне» жителей деревни, в духе советской идеологии относя православие к области суеверий и «невежества». Кроме того, рассказчики ссылаются на незнание местной

истории и то, что старшие родственники скрывали информацию, которая могла повредить их детям и внукам: *«В наш период ничего не говорили. У нас там была советская действительность, в этом и жили. Вступали в пионеры, в комсомол, потом ехали работать в партию. Мы так и считали, что это нужно делать»* (Зап. от Александры Клавдиевны Митькиной, 1951 г.р., с. Жердь, Мезенский р-н, Архангельская обл. Соб. Н. В. Дранникова, Т. Н. Морозова, А. С. Мысова. 2018 г.) [ФА САФУ. П. 641].

Хотя в ранний постсоветский период, когда началось церковное возрождение и появилось много неопитов, рассказы о наказании за святотатство и поругание святынь вновь актуализировались, но в большинстве записей, сделанных в последние годы, все чаще встречается безоценочное изложение информации о разрушении сельского храма. Некоторые из исполнителей оправдывали закрытие храмов и их разрушение. В современной фольклорной традиции происходит уничтожение мотива наказания как части фабулы. Долгое время рассказы с мотивом Божьей кары за святотатство считались наиболее устойчивой частью современной фольклорной традиции. К этим же выводам приходит Л. В. Фадеева. Она пишет о том, что рассказы существовали до тех пор, пока рассказчикам необходимо было дать оценку произошедшему. Атеистическое воспитание нескольких поколений людей привело к тому, что потребность в оценке события исчезла, поэтому предания «уходят из репертуара вместе с поколением рассказчиков-очевидцев, так и не успев обрести жанровые черты христианской легенды, к которой тяготели в лучших своих образцах» [Фадеева 2017, 102].

Источники и материалы

Декрет 1942 — Об отделении церкви от государства и школы от церкви // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 286–287.

Иванова, Калуцков, Фадеева 2009 — *Иванова А. А., Калуцков В. Н., Фадеева Л. В.* Святые места в культурном ландшафте Пинежья. М.: ОГИ, 2009.

Кошелев 1993 — *Кошелев Я. Р.* Легенды и предания Смоленского края: предания о раз-

бойниках // Край Смоленский. 1993. № 11–12. С. 64–93.

Нижегородские христианские легенды 1998 — Нижегородские христианские легенды / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю. М. Шеваренковой. Н. Новгород: КиТиздат, 1998.

Перепелицын 2010 — *Перепелицын А.* И ушла под землю часовенка... // Весть. 2010. 25 фев. С. 23.

Петров 2009 — *Петров Н. В.* Указатель сюжетов и мотивов к разделам «Легенды и предания», «Рассказы о староверах и скрытниках»,

⁴ Запись передана автору статьи С. Б. Адоньевой.

«Присловья» // Каргополье: Фольклорный путеводитель (предания, легенды, рассказы, песни, присловья) / Сост. М. Д. Алексеевский, В. А. Комарова, Е. А. Литвин, А. Б. Мороз, Н. В. Петров; Под общ. ред. А. Б. Мороза. М.: ОГИ, 2009. С. 495–539.

Ткачук 2015 — *Ткачук Н.* Храм Вознесения Господня на острове Андрианов. Архангельск, 2015.

ФА САФУ — Фольклорный архив Центра изучения традиционной культуры Европейского Севера Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова.

Исследования

Байбурин 1983 — *Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983.

Бараг 1993 — *Бараг Л. Г.* Легенда // Восточнославянский фольклор: Свод научной и народной терминологии / Отв. ред. К. П. Кабашников. Минск: Наука и техника, 1993. С. 128.

Бахтин 1979 — *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237–290.

Власова 2015 — *Власова В. В.* Динамика религиозной традиции в советский и постсоветский периоды: воздвижение креста в коми селах // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 100–108.

Власова 2018 — *Власова В. В.* Изменение культурного ландшафта в советский и постсоветский периоды: сельские храмы и кладбища (на примере Республики Коми) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 432. С. 74–85.

Добровольская 1997 — *Добровольская В. Е.* Несказочная проза о разрушении церквей // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 2: Сб. матер. науч.-практ. конф. / Сост. В. Е. Добровольская. М.: ГРЦРФ, 1997. С. 76–88.

Добровольская 1999 — *Добровольская В. Е.* Несказочная проза о разрушении церквей // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. 30 / Отв. ред. А. Н. Розов. СПб.: Наука, 1999. С. 500–512.

Дранникова 2015 — *Дранникова Н. В.* Соловки в устной религиозной прозе жителей города Архангельска // Традиционная культура. 2015. № 4 (60). С. 49–57.

Дранникова 2019 — *Дранникова Н. В.* Культурные объекты Архангельска в современных городских легендах // Фольклор в культуре повседневности: Сб. науч. ст. / Науч. ред. Н. И. Жуланова, Л. В. Фадеева; Отв. ред. Т. Н. Суханова. М.: ГИИ, 2019. С. 231–241.

Иванова 2008 — *Иванова А. А.* Разрушение храмов и гонение на православие в контексте устной истории Кенозерья // Народные культуры Европейского Севера: Матер. респ. науч. конф. (г. Архангельск, 15–17 октября 2007 г.) /

Отв. ред. Н. В. Дранникова. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2008. С. 147–155.

Липатова 2008 — *Липатова А. А.* Местные легенды: механизм текстообразования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2008.

Мороз 2000 — *Мороз А. Б.* Устная история русской церкви в советский период (народные предания о разрушении церквей) // Ученые записки Российского православного университета ап. Иоанна Богослова. 2000. Вып. 6. С. 177–185.

Мороз 2009 — *Мороз А. Б.* Народная агнография: к постановке вопроса // Известия Российской академии наук. Сер. литературы и языка. 2009. Т. 68. № 6. С. 19–27.

Мороз 2014 — *Мороз А. Б.* Разрушение церквей в советский период: два взгляда // Historia mówiona w świetle nauk humanistycznych i społecznych. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2014. С. 187–195.

Неклюдов 1995 — *Неклюдов С. Ю.* Стереотипы действительности и повествовательные клише // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: Тез. конф. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1995. С. 77–80.

Панченко 2018 — *Панченко А. А.* Почему родился черт: сюжет о коммунисте-святоотатце, новорожденные монстры и границы религиозной дидактики // Studia Litterarum. 2018. Т. 3. № 2. С. 252–287.

Фадеева 2003 — *Фадеева Л. В.* Рассказы о разорении святыни в современной устной традиции Пинежья: (К проблеме специфики сюжета и жанра) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Матер. IV Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения-2003» / Отв. ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск, 2003. С. 123–126.

Фадеева 2004 — *Фадеева Л. В.* Рассказы о местночтимых святынях: к проблеме цикла // Комплексное собирание, систематика, экспериментальная текстология. Вып. 2: Матер. IV Междунар. школы молодого фольклориста (г. Архангельск, 22–24 ноября 2003 г.) / Отв. ред. В. М. Гацак, Н. В. Дранникова. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2004. С. 52–61.

Фадеева 2017 — *Фадеева Л. В.* Рассказы о поругании святынь в исторической памяти севернорусской деревни (конец XX — начало XXI века) // Человек и событие в исторической памяти: Сб. ст. / Отв. ред. Ю. А. Крашенинникова. Сыктывкар: Изд-во ИЯЛИ КомиНЦ УрО РАН, 2017. С. 89–103.

Чистов 2005 — *Чистов К. В.* К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы // Фольклор. Текст. Традиция / Сост. К. В. Чистов. М.: ОГИ, 2005. С. 46–50.

Шеваренкова 2004 — *Шеваренкова Ю. М.* Исследования в области русской фольклорной легенды. Н. Новгород: Растр-НН, 2004.

Шеваренкова 2014 — Шеваренкова Ю. М. «Прошлое — настоящее — будущее» в религиозных нарративах одной локальной традиции (на материале Дивеевского р-на Нижегородской области) // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 16: Мультикультурное пространство Поволжья: Сб. науч. ст. / Сост. В. Е. Добровольская, А. Б. Ипполитова, М. В. Строганов. М.: ГРЦРФ, 2014. С. 84–115.

Шеваренкова 2018 — Шеваренкова Ю. М. Сюжетно-тематический состав устных рассказов о монастырях (к постановке проблемы) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 251–260.

Штырков 2001 — Штырков С. А. Наказание святотатцев: фольклорный мотив и нарративная схема // Труды факультета этнологии. Вып. 1 / Отв. ред. А. К. Байбурин. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2001. С. 198–210.

Штырков 2006 — Штырков С. А. Рассказы об осквернении святынь // Традиционный фольклор Новгородской области. Вып. 3: Пословицы и поговорки. Загадки. Приметы и поверья. Детский фольклор. Эсхатология (по записям 1963–2002 гг.) / Сост. М. Н. Власова, В. И. Жекулина. СПб.: Тропа Троянова, 2006. С. 208–230.

Сокращения

Мез. — Мезенский р-н Архангельской обл.
Онеж. — Онежский р-н Архангельской обл.
Пин. — Пинежский р-н Архангельской обл.
Плес. — Плесецкий р-н Архангельской обл.
Прим. — Приморский р-н Архангельской обл.
Холм. — Холмогорский р-н Архангельской обл.

© Н. В. Дранникова, 2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дранникова Н. В. <https://orcid.org/0000-0003-2959-8424>

Доктор филологических наук, профессор кафедры культурологии и религиоведения Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова: Российская Федерация, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; тел.: +7 (8182) 21-61-00; e-mail: n.drannikova@narfu.ru

---

The Destruction of Orthodox Churches and Religious Buildings in the Modern Folklore Tradition of the Arkhangelsk Region

Natalia V. Drannikova

(M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University;
17, Severnaya Dvina emb., Arkhangelsk, 163002, Russian Federation)

Summary. *This article is devoted to oral narratives about sacrilege (the destruction of buildings and other Orthodox Church property) in the narrative tradition of the Arkhangelsk Region. The research takes a traditional approach, centering on the analysis of plots and narrative motifs. Materials for the study are from the folklore archive of the Northern (Arctic) Federal University and refer to different areas of the Arkhangelsk Region. The article's aim is to identify the main motifs of these stories and their regional characteristics. The material is heterogeneous in the generic sense: there are both "brief testimonies" and more structurally organized "long testimonies." Religious stories comprise part of local historical memory, knowledge of which testifies to a community's sense of identity. In modern folklore and speech practice there are different attitudes to the events associated with the demolition of churches and the persecution of priests. Intergenerational cultural transmission was disrupted during the Soviet period; the knowledge and experience of the older generation was depreciated, so that different generations of informants demonstrate dissimilar value orientations. In the early post-Soviet period, when the church revival began and many new believers emerged, stories about punishment for sacrilege again became relevant. However, the author concludes that in the modern folklore tradition the plot motif of God's punishment for sacrilege has disappeared, despite the fact that for a long time this motif was considered the most stable part of the narrative.*

Key words: oral narrative, cult buildings, sacrilege, motifs, cultural memory, punishment.

Acknowledgements. This article was financially supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18–412–290002, “Narratives on the Destruction of Orthodox Churches and Religious Buildings in the Modern Folklore Tradition of the Arkhangelsk Region.”

Received: July 3, 2019.

Date of publication: June 25, 2020.

For citation: Drannikova N. V. The Destruction of Orthodox Churches and Religious Buildings in the Modern Folklore Tradition of the Arkhangelsk Region. *Traditional Culture*. 2020. Vol. 21. No. 2. Pp. 91–102. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.2.008>

References

Baiburin A. K. (1983) Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan [Living Places in the Rites and Beliefs of the Eastern Slavs]. Leningrad: Nauka. In Russian.

Bakhtin M. M. (1979) Problema rechevykh zhanrov [The Problem of Speech Genres]. In: Estetika slovesnogo tvorchestva [The Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskusstvo. Pp. 237–290. In Russian.

Barag L. G. (1993) Legenda [Legend]. In: Vostochnoslavyanskii fol'klor: Svod nauchnoi i narodnoi terminologii [East Slavic Folklore: Thesaurus of Scholarly and Folk Terminology]. Minsk: Nauka i tekhnika. In Russian.

Chistov K. V. (comp.) (2005) K voprosu o printsipakh klassifikatsii zhanrov ustnoi narodnoi prozy [On the Issue of the Classification Principles of Genres of Oral Folk Prose]. In: Fol'klor. Tekst. Traditsiya [Folklore. Text. Tradition]. Moscow: OGI. Pp. 46–50. In Russian.

Dobrovolskaya V. E. (1999) Neskazochnaya proza o razrushenii tserkvei [Non-Fairy Tale Prose About the Destruction of Churches]. In: Russkii fol'klor. Materialy i issledovaniya [Russian Folklore: Materials and Research]. Vol. 30. St. Petersburg: Nauka. Pp. 500–512. In Russian.

Dobrovolskaya V. E. (1997) Neskazochnaya proza o razrushenii tserkvei [Non-Fairy Tale Prose About the Destruction of Churches]. In: Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremenniy mir [Slavic Traditional Culture and the Modern World]. Issue 2: Coll. of mater. of schol. and pract. conf. Moscow: GRTsRF. Pp. 76–88. In Russian.

Fadeeva L. V. (2003) Rasskazy o razorenii svyatynei v sovremennoi ustnoi traditsii Pinezh'ya (K probleme spetsifiki syuzheta i zhanra) [Stories About the Destruction of a Shrine in the Contemporary Oral Tradition of Pinega (On the Problem of Plot and Genre Specificity)]. In: Lokal'nye traditsii v narodnoi kul'ture Russkogo Severa [Local Traditions in the Folk Culture of the Russian North]. Proc. of the IV Int. Schol. Conf. “Ryabinin Readings 2003”. Petrozavodsk: Karel. nauch. tsentr RAN. Pp. 123–126. In Russian.

Fadeeva L. V. (2004) Rasskazy o mestno-chtimykh svyatynyakh: k probleme tsikla [Stories About Locally Venerated Sacred Things: Toward the Problem of the Cycle]. In: Kompleksnoe sobiranie, sistematika, eksperimental'naya teksto-

logiya [Integrated Collecting, Systematics and Experimental Textology]. Vyp. 2: Proc. of the IV Int. School of a Young Folklorist (Arkhangelsk, November 22–24, 2003). Arkhangelsk: Izd-vo Pomor. un-ta. Pp. 52–61. In Russian.

Fadeeva L. V. (2017) Rasskazy o poruganii svyatynei v istoricheskoi pamyati severnorusskoi derevni (konets XX— nachalo XXI veka) [Stories About Sacrilege in the Historical Memory of the North Russian Village (the End of the 20th — the Beginning of the 21st Century)]. In: Chelovek i sobytie v istoricheskoi pamyati [A Person and an Event in Historical Memory]. Syktyvkar: Izd-vo IYaLI KomiNTs UrO RAN. Pp. 89–103. In Russian.

Ivanova A. V. (2008) Razrushenie khramov i gonenie na pravoslavie v kontekste ustnoi istorii Kenozerya [The Destruction of Temples and the Persecution of Orthodox Christianity in the Context of the Oral History of Kenozerye]. In: Narodnye kul'tury Evropeiskogo Severa [Folk Cultures of the European North]. Proc. of the Rep. Schol. Conf. (Arkhangelsk, October 15–17, 2007). Arkhangelsk: Izd-vo Pomor. un-ta. Pp. 147–155. In Russian.

Lipatova A. A. (2008) Mestnye legendy: mekhanizm tekstoobrazovaniya [Local Legends: The Mechanism of Text Production]. PhD diss. abstract. Ulyanovsk. In Russian.

Moroz A. B. (2000) Ustnaya istoriya russkoi tserkvi v sovetskii period (narodnye predaniya o razrushenii tserkvei) [Oral History of the Russian Church During the Soviet Period (Folktales About the Destruction of Churches)]. *Uchenye zapiski Rossiiskogo pravoslavnogo universiteta ap. Ioanna Bogoslova* [Scholarly Notes of the Apostle John the Theologian Russian Orthodox University]. 2000. Issue 6. Pp. 177–185. In Russian.

Moroz A. B. (2009) Narodnaya agiografiya: k postanovke voprosa [Folk Hagiography: Toward a Formulation of the Problem]. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii nauk. Ser. literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Series of Literature and Language]. 2009. Vol. 68. No. 6. Pp. 19–27. In Russian.

Moroz A. B. (2014) Razrushenie tserkvei v sovetskii period: dva vzglyada [Destruction of Churches in the Soviet Period: Two Views]. In: Historia mówiona w świetle nauk humanistycznych i społecznych [History Spoken in the

Light of the Humanities and Social Sciences]. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. Pp. 187–195. In Russian.

Neklyudov S. Yu. (1995) Stereotypy deistvitel'nosti i povestvovatel'nye klishe [Stereotypes of Reality and Narrative Clichés]. In: Rechevye i mental'nye stereotypy v sinkhronii i diakhronii [Speech and Mental Stereotypes in Synchrony and Diachrony]. Conf. abstracts. Moscow: Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN. Pp. 77–80. In Russian.

Panchenko A. A. (2018) Pochemu rodilsya chert: syuzhet o kommuniste-svyatotatstse, novorozhdennye monstry i granitsy religioznoi didaktiki [Why Was the Devil Born: The Legend About a Blasphemous Communist, Monstrous Births, and the Limits of Religious Didactics]. *Studia Litterarum*. 2018. Vol. 3. No. 2. Pp. 252–287. In Russian.

Shevarenkova Yu. M. (2004) Issledovaniya v oblasti russkoi fol'klornoj legendy [Research in the Field of the Russian Folkloric Legend]. Nizhny Novgorod: Rastr-NN. In Russian.

Shevarenkova Yu. M. (2014) “Proshloe — nas toyashchee — budushchee” v religioznykh narrativakh odnoi lokal'noi traditsii (na materiale Diveevskogo r-na Nizhegorodskoi obl.) [“The past — the present — the future” in Religious Narratives of One Local Tradition (Based on the Material of the Diveyev District of the Nizhny Novgorod Region)]. In: Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremenniy mir. Vyp. 16: Multifol'klornoe prostranstvo Povolzh'ya [Slavic Traditional Culture and the Modern World. Issue 16: The Multi-folkloric Space of the Volga Region]. Moscow: GRTsRF. Pp. 84–115. In Russian.

Shevarenkova Yu. M. (2018) Syuzhetnotematicheskii sostav ustnykh rasskazov o monastyryakh (k postanovke problemy) [The Subject and Thematic Structure of Oral Stories About Monasteries (Toward a Statement of the

Problem)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhni Novgorod]. 2018. No. 3. Pp. 251–260. In Russian.

Shtyrkov S. A. (2001) Nakazanie svyatotatstsev: fol'klornyi motiv i narrativnaya skhema [Punishment of the Sacrilegious: Folkloric Motif and Narrative Scheme]. In: Trudy fakul'teta etnologii [Proceedings of the Faculty of Ethnology]. Issue 1. St. Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo un-ta v Sankt-Peterburge. Pp. 198–210. In Russian.

Shtyrkov S. A. (2006) Rasskazy ob oskvernenii svyatyn' [Stories About the Desecration of Sacred Places]. In: Traditsionnyi fol'klor Novgorodskoi oblasti. Vyp. 3: Poslovitsy i pogovorki. Zagadki. Primety i pover'ya. Detskii fol'klor. Eskhatologiya (po zapisyam 1963–2002 gg.) [Traditional Folklore of the Novgorod Region. Issue 3: Proverbs and Sayings. Riddles. Signs and Beliefs. Children's Folklore. Eschatology (According to Records from 1963–2002)]. St. Petersburg: Tropa Troyanova. Pp. 208–230. In Russian.

Vlasova V. V. (2015) Dinamika religioznoi traditsii v sovetskii i postsovetskii periody: vzdvizhenie kresta v komi selakh [The Dynamics of Religious Tradition in the Soviet and Post-Soviet Periods: Exaltation of the Cross in Komi Villages]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. 2015. No. 390. Pp. 100–108. In Russian.

Vlasova V. V. (2018) Izmenenie kul'turnogo landshafta v sovetskii i postsovetskii periody: sel'skie khramy i kladbishcha (na primere Respubliki Komi) [Changes in the Cultural Landscape During the Soviet and the Post-Soviet Periods: Rural Temples and Cemeteries (The Example of the Komi Republic)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. 2018. No. 432. Pp. 74–85. In Russian.

© N. V. Drannikova, 2020

ABOUT THE AUTHOR

Natalia V. Drannikova <https://orcid.org/0000-0003-2959-8424>

E-mail: n.drannikova@narfu.ru

Tel.: +7 (8182) 21-61-00

17, Severnaya Dvina emb., Arkhangelsk, 163002, Russian Federation

DSc of Philology, Full Professor, Department of Culture and Religious Studies, M.V. Lomonosov

Northern (Arctic) Federal University

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)